

Два файла

Для того чтобы начать чтение, вам необходимо перезагрузить сознание. Произвести перезагрузку сейчас?

ОК!

(При нажатии на кнопку ОК! возникает пронзительный писк, и на мониторе появляется окошко загрузки с наполняющейся цветом шкалой,

но в конце концов шкала замирает, и появляется окошко)

Внимание!

В вашем разуме обнаружено 1100048474524251700 ошибок! Вы уверены, что хотите обновить восприятие привычной картины мира?

ОК!

На мониторе появляется заставка, имитирующая перезагрузку компьютера. Появляется следующее окошко.

Для налаживания работы мозга необходимо удалить ненужные мыслес-файлы. Чтобы продолжить операцию, нажмите на ссылку:

"Я не возражаю против вторжения на мою приватную территорию временной памяти!"

Перезагрузка сознания успешно завершена!

Помогите! Интерактивно-электронный роман

Все началось с того, что ты сел (а) за комп, поближе придвинул (а) кресло, и уставился (ась) в монитор. Твои зрительные биодетекторы среагировали на ярко-красный заголовок с восклицательным знаком, и сознание прилипло к экрану, автоматически пожирая последующий текст, набранный жирным двенадцатым шрифтом **Times New Roman**.

В подвал твоего розовощекого Эго шумно рухнуло неожиданно новое понимание сотни раз перечитанного словосочетания — ПРИШЛО! *время* (Times) *нового* (New) *романа* (Roman)...

Ты подкурил (ла) сигарету, установил (ла) пепельницу рядом с мышкой и стал (а) читать дальше...

Теперь придется задать тебе нескромно истертый наждаками социума вопрос:

Ты чувак или чувиха?

Наведи курсор мышки и кликни здесь:

...АК

...ИХА

Завтра ты встанешь с ползающей по внутренности головы болью и заставишь свое тело выбраться из постели, чтобы начать активно функционировать в привычно наскочившей на проснувшиеся глаза реальности.

Картинка твоей комнаты действует на орган созерцания, как **кристальный плевок прохладных капелек Нафтизина, омывающего берега уставших от сновидений глазных белков.**

Ты выпьешь кофе, слопаешь бутерброд, протрешь закисшую морду тоником, напитаешь подсохшую кожу кремом, обмажешь ресницы тягучей тушью, ну и... *(что ты там еще с собой по утрам делаешь?)*

Выбрав, наконец, облачение, ты надушишься и попрешься к лифту, захлопнув вечно заедающий замок с неприятным лязганьем. От лая соседского кабыздоха у тебя на мгнове-

ние **екнет сердце**. В этот момент лифт раскроет перед тобой пасть и проглотит тебя в измученное царапинами чрево. Ты нажмешь на кнопку с полустершейся цифрой "1" и вспомнишь, что ключи от квартиры оставила в коридоре, вместе с пачкой сигарет. Нащупав в сумке мобильный, ты облегченно вздохнешь и отодвинешь в пустующий угол разума рассуждения о том, как вечером попадешь домой.

И тут, прикинь, **ЗАЦЕНИ ГЛУБИНУ ГОНА: — ты просыпаешься!** Вскрываешь, смотришь на циферблат будильника, понимаешь, что опоздала, мчишься в ванну, принимаешь холодный душ... Дрожа от бодрящего холода, укрываешься полотенцем, бежишь в комнату, и бросив случайный взгляд на теплую смятую обожаемую постель в оранжевую полосочку, уговариваешь себя — только секундочку полежу, согреюсь, обсохну...

Прыгаешь на матрас с разбегу, укрываешься одеялом с мохнатенькими цветочками и молниеносно засыпаешь.

— Я не сплю! — говоришь себе ты, и сон послушно выполняет желание — вот уже твоё тело делает утренние йоговские асаны, мягко вытягивается, прогибается, плавно подтанцовывая в такт птичьему визгу и ритмичным подревываниям трассы. Волосы треплет утренний ветер, на часах без пяти шесть — времени до фи́га 😊.

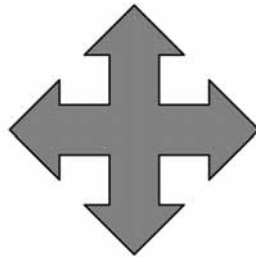
Ты смотришь в окно:

Наконец, ты понимаешь, что все-таки неумолимо спишь и опаздываешь на работу, одупляешься в лифте, в который только что заскочила и втыкнула, видимо, провалившись в щель между мирами, но теперь успешно восстановила в базе реальности привычную картину мира, и едешь вниз, секунду назад отчалив от родимого этажа!

Ты трешь глаза, чтобы выспать из них крупинки сонливости, и отмечаешь странное чувство, будто лифт движется не по вертикали, а по горизонтали, куда-то вправо, или это лево? Черт, когда ты уже научишься безошибочно определять стороны света? Большинство людей умудрились освоить эту науку еще в нулевом классе!

Ощущение становится все более осязаемым, охватывает тебя всю и убеждает твой разум в том, что лифт действительно движется неадекватно!

Ты внимательно вглядываешься в кнопки и замечаешь, что они расположены крестом:

При нажатии курсором мышки на мелькающие углы креста текст отъезжает вправо/влево/вниз/вверх, пока читатель не нажмет центральную кнопку, и текст не восстановится в первоначальное состояние.

Спустя неопределенный отрезок времени ты, наконец, осваиваешь пульт управления лифтами нового поколения, нажимаешь нижнюю кнопку по вертикали с полуистертой цифрой "1" и чувствуешь, как лифт, сотрясаясь, упирается в первый этаж, раздвигаясь перед тобой долгожданной перспективой выскочить вон из замкнутого пространства.

На радостях ты выпрыгиваешь из лифта, и вдруг на тебя падает бетонная плита, уставшая служить перекрытием между этажами и решившаяся покончить с собой, а заодно и с тобой..ой..ой..ой!

Твое сладко надушенное тело в одно мгновение превращается в сырье для кровяной колбасы.

Ты жрешь эту колбасу без всякого аппетита, смекнув, что заснула над завтраком и чуть не спалила чайник. Заварив кофе, ты понимаешь, что завтракать расхотелось, и подкуриваешь сигарету, закашлявшись от зуда в воспаленном спросонья небе.

Залпом опустошив чашку, ты включаешь радио.

Не притормаживай, жми на кнопку!

(Ссылка на звуковой файл, обрывок утренней радиопередачи)

Ты еще немного пошаришься по квартире в поисках ключа, потом обнаружишь его в сумке, которая болтается у тебя на плече, затем в доме вырубится электричество. Радио затихнет, лампочка в кухне цокнет, и прошвырнувшись взглядом по циферблату, ты, наконец, откроешь двери и почешешь пешком вниз по лестнице. Снизу будут доноситься странные звуки, которые усилятся по мере приближения, будто кто-то колотит в ворота чугунной рельсой.

Когда ты, наконец, спустишься на первый этаж, оглушенная грохотом, замечаешь **типА в камуфляжных джинах, отчаянно избивающего арматурой входную дверь.**

(Конец страницы, заканчивающейся кнопкой NEXT. При нажатии на эту кнопку во время загрузки следующей страницы включается звук биения арматурой в двери)

Орех и грех

Видали б вы наши леса сочноотравые! А грибки белые! А малинники! Село в овраге, а над оврагом — сосны! Да такие дылды, что птенчик сядет на верхотуру — и весь мир видит. А дальше — горы. Такие синие, а в горах речка.

Село наше красивое — хатки одна в одну, крышицы камышовые, оконца красные, на плетнях терракот сохнет, а дворы подсолнухами полыхают.

Видели, как на краю сада поскрипывает древними руками чудесный орех бабки Малашки? Орех посадили в день бабкиного рождения, и они росли вместе, как брат и сестра. Когда батька злится, огреет ее хлыстом за разбитый бутыль с маслом, — времена были голодные, — Малашка к ореху идет жалеться. Обнимутся они, плачут, и стоят так, до самой ночи, пока мамка к ужину не зовет.

Возмужал орех, подросла и Малашка. Влезет она на дерево — все село видно — как бабы ведрами воду носят, как мужики лес рубят, как мальчишки хряка гоняют, как солнышко тяжело за холмы садится.

Стала Малашка молодой девицей, и парубок из соседней хаты повадился к ней свататься. Не любила его Малашка, конопатый весь из себя, жирный, а характером и того хуже. Пришли сваты, а Малашка — прыг на орех — и сидит, пока их след не простынет. Ветви густые, темные, — как ты ее заметишь? Три раза свататься приходили — и Малашка все пряталась. С тех пор жирный Боряся на них с рехом насмерть обиделся.

Шли годы. Малашка замуж за хорошего хлопца вышла, родила дочку, да тут война с немцами, забирай их черт. Мужа в первый же месяц на фронте убили. А Боряся с румынами стал водиться, и они его полицаем на селе сделали. Важный такой ходил, пузатый, последнее добро у баб с детишками отбирает и румынам своим тащит, на рубли обменивать. Как-то раз занесся смерчем он в Малашкину хату. Мамка с дочкой, как на беду, в соседнее село к сестре за мукой пошли. На столе да в печи пусто, в погребе одни крынки, да бочки из-под вина дырявые. Разлютился Боряся, у него на Малашку заноза давно была, штаны свои провонявшие скинул и к ней волосатыми лапищами лезет. Малашка вырвалась, побежала девок да баб на подмогу звать, а злодяка ружье вскинул, да как бахнет! Малашка как раз до ореха добежала, и пуля пряmeshенько в ствол въелась. На том у Боряси и патроны, на счастье, кончились, а тут мамка с сестрой да бабой Дуней идут. Чертыхнулся Боряся и отправился себе с Богом. Малашка долго потом орех лечила, который ее от верной смерти спас. Пулю клещами вынула, рану древесной смолой замазала. Выжил орех, что с ним, великаном, станется?

Много лет уплыло, Малашка стареть стала, орех настоящим гигантом сделался. Борся к старости совсем вредный стал. Сидит на пороге и всякую живность, что к нему в огород попала, из ружья бьет. Кошка зайдет, какая — нет больше кошки, собака — помрет собака кровавой смертью, курица залетит, утка — мигом Борсяе в суп угодит. Люди стали своих собак привязывать, кошек да птиц запирают в хате, да как животное неразумное от беды удержишь?

И вздумалось Борсяе Малашкин орех извести. Мол, он ему тень на заборе делает, а с забора она в огород отсвечивает, и картошке расти мешает. Стал, хороняка, под корень ореховый селитру да скипидар лить. Скандалила с ним Малашка, да как за старым демоном уследишь? Так и погиб орех — высох. Не стала его рубить Малашка, а только каждый вечер, как на могилу, к нему ходила. Пела ему, плакала, пионы вокруг него сажала и поливать как следует не ленилась. Бабы над ней смеются — а ей хоть что, — он меня от смерти молодой спас — говорит, и знай себе, ухаживает.

Прошли годы — Борсяю хворь лютая одолела. Живет, а делать ничего не способен — все кровью кашляет, и нет ему избавления. Дети в город его возили, врачам показывали, знахарки яйцом выкатывали — без толку. Прокашлял он года два — жить мочи совсем нет, хоть бы помер, а Бог не забирает его, все изводит. Жену он свою на столбе повесил, а людям сказал, что с собой кончила. Дети в город от него сбежали, а старший в медвежью ловушку угодил и там с голодухи и обезвоживания помер. Стали родственники к нему дальние ехать — все прощения везут, помирай, мол, Борся с миром, много у нас на тебя обид, да отпускаем, пусть Бог судит. А Борся не мрет — на кровати лежит немощный, синий весь, страшный, говорить не может, а все кашляет.

Стали люди со всего села идти — все грехи мы тебе, Борсяя прощаем, и за то, что полицаем был, и за то, что собак стрелял. И что жену свою повесил и девок наших силой попортил — уходи с миром — Бог один судить может. Живет Борсяя, только жить ему так хуже смерти. Пришли дети Борсяины просить Малашку: сходи, прости батьку, мы совсем ходить за ним измождились. Жалко Малашке детей стало, что им зазря со старым иродом мучиться? Вздохнула она — пошла. Села коло кровати — Борсяя страшнющий такой, весь черный, глаза, как холодец прокисший, шевелиться не может, — а кашляет — мочи нет видеть. Прощаю тебе все грехи, сказала Малашка, да руку ему на лоб положила. Тут Борсяя сразу и помер.

Пришла весна, стала Малашка сад обкапывать — глядь — а орех-то — ожил! К осени даже урожай был. А на следующий год и совсем оклемался.